
Джэки Иоки
ПОЛИЦИЯ
РОССИЯ
МВД
Поймай меня, лейтенант
18+

Джэки Иоки

Поймай меня, лейтенант

«Автор»
2026

Джэки Иоки

Поймай меня, лейтенант / Джэки Иоки — «Автор», 2026

Для кого-то декабрь — это время волшебства и ожидания новогоднего чуда, а для Дениса, лейтенанта ППС, это ночи, проведённые в погоне за одной дерзкой художницей, решившей раскрасить серый город к празднику. Вот только поймать её — уже не приказ начальства, а его собственное желание со вкусом мандарин.

© Джэки Иоки, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Дисклеймер 5
Глава 1. Денис 6
Глава 2. Женя 8
Глава 3. Денис 10
Глава 4. Женя 12
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Джэки Иоки
Поймай меня, лейтенант

Дисклеймер

Все события и персонажи, описанные в этой книге, вымышлены. Любое сходство с реальными событиями и реальными людьми случайно, а некоторые реалии намеренно изменены в угоду сюжета. Эта книга содержит ненормативную лексику и эротические сцены, рекомендована для чтения лицам, достигшим 18 лет.

Глава 1. Денис

Снег ритмично скрипит под тяжёлыми ботинками, изо рта резкими выдохами вырываются облачка пара, лёгкие горят от мороза и быстрого бега, а мимо одна за одной проносятся тёмные подворотни старого центра. И я уже понятия не имею, куда завела меня эта девчонка, чей красный пуховик маячит ярким пятном в десятке метров впереди. Шустрая зараза, прыткая.

— А ну стой, говорю! Хуже будет! — раздражённо кричу ей в спину.

А она дерзко кидает мне в обратку:

— Вы мне ещё пистолетом пригрозите, лейтенант.

Оскальзывается на резком повороте, ныряет в ещё более глухую темноту и исчезает. Я торможу, схватившись за кирпичный угол стены, включаю фонарь и медленно вхожу в, казалось бы, тупиковый проулок. Мало ли, решит напасть исподтишка. Но тут же чертыхаюсь, заметив узкий проход, выводящий меня на одну из центральных улиц. Осматриваюсь по сторонам, но девчонки, конечно, уже и след простыл. На несколько кварталов в обе стороны ни души. Мда. Город она знает явно лучше меня, хотя я и патрулирую этот район уже полгода.

Вызываю по рации напарника, отдышавшись, мнусь на тротуаре, чтобы не замёрзнуть. В минус пятнадцать даже после такого забега остываю быстро. Но минут через пять уже плюхаюсь на пассажирское сиденье «патрульки» в спасительное тепло.

— Ушла? — почему-то довольно улыбается Лёвка, а я хмурюсь.

— Не вижу причин для радости. Саныч нас по головке не погладит.

— Да ладно тебе. Нафига мы вообще её ловим? Красиво же рисует, — Лёва пожимает плечами, медленно катя машину по заснеженной улице.

А я достаю пачку влажных салфеток из бардачка, чтобы оттереть ярко-красную полосу с форменной куртки. Паршивка не только смоталась от меня, как резвый гепард, но ещё и полоснула по груди своим баллончиком, когда я застукал её у очередной разрисованной стены и представился. Брызнула с разворота, ойкнула и дала дёру так, будто всю жизнь в спринтерских забегах участвовала. Я даже не сразу понял, что произошло. Вот и дал ей фору.

— Красиво-то красиво, — бурчу напарнику в ответ. — Только незаконно. Или ты забыл КоАП РФ? Статья 20.1 — Мелкое хулиганство.

— Душнила, — хрюкает смехом Лёва. — Забудешь тут. Саныч уже неделю говорит об этом на каждом разводе. Поймать, наказать, пресечь, — цитирует он командира. — А чё такого-то? Она же не писюны рисует. А снеговиков там, зайцев смешных. Смотришь, и сразу новогоднее настроение.

Тут я, конечно, был с ним согласен. С приходом декабря и появлением первого граффити наш серый промышленный Каменозёрск, давно погрязший в снежной слякоти и зимнем унынии, заиграл вдруг яркими красками.

Но Администрация, не раскошелившаяся в этом году, как впрочем и в прошлом, и пять лет назад, на новогоднее оформление города, пришла в негодование от такого вопиющего вандализма, как выразился наш командир, и приказала поймать злостного нарушителя.

Мы ржали всей ротой. Но после появления третьего граффити Саныч устроил нам такой разнос, грозя лишить премии, что рыскать по улицам начали все. Даже самые ленивые.

Только Лёвке было всё нипочём. Старше меня лет на десять минимум, он казался мне огромным ребёнком, порой неуклюжим и чересчур добрым для полицейского.

— Я не понимаю, чё ты-то так пыжишься? — напарник тормозит у шаурмичной и трёт ладони в предвкушении горячего кофе. — Тебе ж эта работа поперёк горла.

Ну да, служба в ППС не была пределом моих мечтаний. Вернее, поступая в Академию МВД, я думал, что моя жизнь будет связана с органами. Тем более, отец, всю жизнь прослу-

живший в полиции, настаивал, чтобы я пошёл по его стопам. Но уже в первый год после Академии я чётко понял — не моё.

Вот только уволиться не мог. Моё обучение оплатило государство, и я обязан был отработать пять лет. Оставалось ещё полтора года.

— Если работа не нравится, это не значит, что я забью болт и буду выполнять её плохо, — выхожу из машины вслед за Лёвой, чтобы выкинуть в урну жменю красных влажных салфеток. Ну хоть форму удалось спасти. А то ещё и на выговор нарвался бы.

— Так а ты хоть рассмотрел девчонку? Это же была девчонка? — спрашивает Лёва, когда мы возвращаемся в машину с двумя стаканчиками дешёвого, зато горячего кофе. — Мы единственные, кто её вообще видел.

— Девчонка. Шапку и шарф натянула так, что лица вообще не видно. Судя по комплекции и одежде, ей лет шестнадцать, — прихлёбываю коричневую бурду и кривлюсь. — Куда родители только смотрят? Шастает по ночам непонятно где.

Лёва свистяще смеётся, при этом разливая на брюки кофе.

— Уй, чёрт.

Но стряхнув его рукой со штанин, качает головой:

— Дэн, тебе сколько лет? Сам давно в её возрасте был?

— Двадцать шесть мне, — закатываю глаза. Дело не в том, что я слишком «вырос». Просто меня бесит гоняться за ней — пустая трата времени. — Но и в её возрасте по ночам не бродил. Отец бы мне быстро шею намылил.

Лёва снова гогочет и трогает машину. До конца дежурства ещё четыре часа. А я пялюсь в окно и почему-то всё время вижу смеющиеся нежно-голубые глаза в обрамлении чернющих ресниц. Тьфу, дуристика какая.

Глава 2. Женя

Баллончик мягко шипит, распыляя по стене краску, шарик внутри мелодично стукается, грюкая от каждого встряхивания, цвет ложится ровно, ярко. И это похоже на медитацию, от которой улыбка сама собой растягивает губы. Ну и что, что холодно и пальцы мёрзнут. И что шапка и джинсы уже задубели от мороза и снега, падающего с чёрного неба крупными хлопьями. Зато снегири получаются сочными, праздничными. Яркое пятно в череде этих серых будней, от которых хочется волком выть. Ещё и день рождения этот. Угораздило же родиться в декабре.

Откладываю красный баллон, беру коричневый, хорошенько встряхиваю и рисую ветку, на которой сидят две нахохлившиеся птички. Остаётся совсем чуть-чуть доделать, и пятый из двенадцати задуманных мной рисунков будет готов.

Эта идея пришла внезапно, пока я моталась по городу с доставками, блуждая между безликих и старых панельных многоэтажных. Захотелось раскрасить этот мрачный город, застрявший в прошлом веке. Хотелось новогоднего чуда. Не для себя, для других. Я, выросшая в детдоме, в чудеса не верила с детства.

Но поверить хотелось. И я рисовала — мелками, полузасохшими фломастерами, карандашами, всем, что попадало мне в руки. А теперь рисую баллончиками на стенах. На высокое искусство не претендую, просто надеюсь, что мои рисунки заставят улыбнуться не только меня, но кого-то из прохожих, бредущих мимо этих стен с вечно угрюмыми мыслями.

Вдруг сквозь шапку до меня доносится торопливый скрип снега, и, резко обернувшись, я вижу пэпса, от которого убегала пару ночей назад.

— Вот блин, — бросаю баллончик в раскрытый рюкзак, закидываю его на плечо и срываюсь с места.

— Стоять! — несётся мне в спину.

Но я и не думаю слушаться. Ага, щаззз. Просидеть ночь в обезьяннике с бомжами и проститутками мне не улыбается. Пусть сначала попробует догнать. А я уж бегать-то научена тяжёлым детством.

Забегаю во дворы, под старую арку, сворачиваю налево. В ушах звенит от трясущихся в баллончиках шариков в моём рюкзаке. Но резкий хруст снега под казёнными ботинками позади меня режет слух сильнее. Будто мой преследователь бежит по битому стеклу. Здесь во дворах всё покрыто ледяной коркой. Лишь бы нигде не навернуться.

Оборачиваюсь, непроизвольно ойкаю и притапливаю. Он уже совсем рядом. Сердце выпрыгивает из груди, но не от страха. Наоборот, будто внутри просыпается какой-то азарт. Никогда раньше за мной не гонялись симпатичные парни в форме. Стоп. Чего? Когда это я решила, что он симпатичный, если толком не видела?

— Попалась, — раздаётся совсем рядом, и меня резко дёргает назад. Но я отбиваюсь, пытаясь вырваться.

Рюкзак, за который меня схватили, трещит по швам, баллоны с грохотом падают под ноги полицейскому, и с не меньшим грохотом проклятий тот, поскользнувшись на них, летит на мёрзлый асфальт. А я снова пускаюсь наутёк.

— Зараза, — летит мне вслед, и я не могу сдержать смех от того, как он барахтается на своих длиннющих ногах. Высоченный, крепкий. И реально красавчик. Разве такие служат в полиции?

Через пару кварталов, не слыша больше за собой погони, я замедляю шаг, оглядываюсь. Никого. И правда отстал. Становится даже немного жалко его. Уже второй раз из-за меня с ним что-то случается. То в краске испачкался, то навернулся.

Ладно, краской это я его обрызгала. Испугалась, растерялась от неожиданности. Но сегодня точно сам виноват. Нечего было так дёргать. Мало того, что рюкзак мне испортил, так ещё и лишил меня баллонов. Они хоть и были уже полупустые, но всё равно жалко.

— Козлина, — беззлобно бурчу себе под нос, топая к дому.

Вот делать ему больше нечего, как за мной гоняться. Лучше б так усердно настоящих преступников ловил. Я-то ничего плохого не делаю. Ну или догонял бы меня не для того, чтобы арестовать, а номер попросить, на ужин позвать.

Не, это меня точно не туда понесло — голодная просто. Нафиг надо связываться с законниками. Пусть и красавчиками.

— Да блин, — даже цокаю от своих дурацких мыслей.

Но оставшиеся пятнадцать минут до своего подъезда не могу отогнать от себя образ широкоплечего парня в погонах с резкими чертами лица, взлохмаченными в модной причёске светлыми волосами и грубоватым голосом. Он точно мог бы сниматься в рекламе дорогого и вкусно пахнущего мужского парфюма.

Интересно, а от него самого как пахнет? Ой, ну хватит, Женя, угомонись.

Глава 3. Денис

Заступаем с Лёвой на очередное суточное дежурство. Саныч, как обычно, раздаёт ориентировки и уже которое утро подряд делает особый акцент на нашей художнице. Теперь-то мы хотя бы знаем, что это девчонка. Хотя и по рисункам можно было догадаться. Слишком уж они добрые, сказочные.

Парни осуждающе качают головами, не считая её преступницей. Но приказ есть приказ. Если девчонка попадётся, предупреждением она вряд ли уже отделается.

Выезжаем с Лёвой на обычный маршрут. Часа два катаемся по улицам, занесённым снегом, и оказываемся у рынка, где обычно берём кофе.

— Возьми на меня тоже, — бросаю напарнику. — А я пока за мандаринами сгоняю. Мама просила завезти. Хочет варенье сделать.

— Не вопрос. Бери побольше. Может, и мне баночка перепадёт, — подмигивает мне Лёвка и шагает к ларьку с кофе.

А я углубляюсь в разномастную толпу, одетую в дутые куртки, тёплые пальто, шарфы и шапки, припорошенные снегом. Дружно месим грязь ботинками.

Среди палаток с овощами и фруктами пестреют прилавки с петардами, фейерверками, цветными шарами разных размеров и пушистой мишурой. Всё это с бóльшим комфортом можно купить в огромном гипермаркете, появившемся в городе лет семь-восемь назад, но многие горожане всё равно продолжают ходить именно сюда — за особой атмосферой, чтобы торговаться или обмениваться сплетнями с неизменными продавщицами.

Я направляюсь широким шагом к одной из палаток, где обычно покупаю фрукты для мамы, чтобы сама не таскала, когда краем глаза замечаю слишком яркое пятно даже на фоне новогодней мишуры. Красный пуховик. А потом слышу и знакомый голос — дерзкий, с нежной хрипотцой, которой не ожидаешь от такой маленькой, тоненькой девчонки.

— Бабуль, а вот эти шишки за сколько отдаёшь?

Я замираю, всматриваюсь сквозь толпу — ночная художница сидит на корточках перед стоящим на земле ящиком и с любопытством рассматривает выложенные на нём ёлочные игрушки. Советские. Помню, у нас были точно такие же.

На девчонке всё та же шапка с помпоном, шарф, натянутый выше носа так, что видно только глаза, но эмоции легко читаются. А ещё у нее множество тонких сине-голубых косичек, лежащих на спине поверх красного пуховика до самых лопаток. Интересная деталь, которую я не видел ночью. Прятала она их, получается. Но это точно она, ошибиться невозможно.

— Да рублёв по двадцать, — стыдливо отвечает ей бабулька в старом тулупе и шерстяном платке, будто ей неудобно, что приходится приторговывать своим имуществом. — Ну или сколько сама дашь, деточка. Дорого?

— Нормально, — смеётся Мальвина — это имя само приходит мне на ум — и, протянув бабушке двести рублей, выбирает себе три шишки и два домика.

— Ты что, это много, — смущается старушка, но девчонка с улыбкой отталкивает её руку с лишними деньгами.

— Ничего не много. Красота же такая. С наступающим.

Мальвина выпрямляется и танцующе-пружинистой походкой направляется к воротам рынка, на ходу любуясь своими покупками, блестящими даже в пасмурном свете этого утра. А я, забыв про мандарины, следую за ней. На расстоянии.

Мы выходим на центральный проспект, проходим два квартала. Она никуда не торопится, а я надеюсь проследить за ней до самого дома и, наверное, поговорить с её родителями, чтобы лучше следили за дочуркой. Может, тогда и не придётся гоняться за ней по ночам.

Вот только недалеко от очередного перекрёстка у меня в кармане громко звенит телефон. Лёва, чтоб ему кофе облиться. Потерял меня. Мальвина вздрагивает и оборачивается, но увидев полицейскую форму не пускается наутёк, как стоило ожидать. Просто разворачивается в прежнюю сторону и продолжает идти, как ни в чём не бывало. Я следую за ней, скинув Лёве свою геолокацию.

Но ещё через пару кварталов я терплю окончательное фиаско. Мальвина заворачивает за очередной дом, а когда я, ускорившись, поворачиваю туда же, просто выскакивает на меня и, оказавшись со мной нос к носу, сердито прищуривается:

— Товарищ полицейский, вы меня зачем преследуете? Я вам не преступница какая.

Я едва сдерживаю улыбку. Дерзкая, не из пугливых. Засаду мне устроила.

— Не преступница, как же, — хмыкаю я, уверенный, что она меня узнала. — А дома баллонами кто разрисовывает? Я что ли?

— Понятия не имею, о чём вы, лейтенант, — Мальвина упрямо-равнодушно складывает руки на груди и, готов поспорить, поджимает губы под шарфом.

— Ещё скажи, что я не за тобой гнался по Судостальской три ночи назад, — почему-то совершенно забываю о том, что должен как минимум потребовать у неё документы. Меня сбивает с толку её непосредственность и колючие смешинки в глазах.

— А ты попробуй докажи, — вскидывается она и просто шагает прочь, оставляя меня одного стоять посреди улицы под снова начавшимся снегопадом.

И по сути, права. Предъявить мне ей действительно нечего. Мало ли в городе, даже таком небольшом, как у нас, худеньких, маленьких девчонок в джинсах и красных пуховиках. Я ведь даже лица её толком не видел. А пушистые ресницы и синие косички к делу не пришьёшь. Нет, придётся мне всё-таки ещё побегать за ней по ночам.

«Товарищ полицейский». Смешная.

Глава 4. Женя

Добираюсь пешком до дома за полчаса, не став тратить деньги на троллейбус. Да их и не было. Последние отдала бабульке за стекляшки. И не то чтобы они мне так уж были нужны или несли в себе хорошие воспоминания из детства. Нет. Просто захотелось помочь пожилому человеку. Не смогла пройти мимо. А себе ещё заработаю. Сегодня суббота, должно быть много заказов. Да и игрушки пригодятся для следующего рисунка. Где-то у меня были ленты, на которые их можно подвесить на стену. Ночью этим и займусь.

Собираю в рюкзак новые баллончики, купленные украшения и почему-то снова думаю о лейтенанте-красавчике.

«Да блин, Жека, просто лейтенанте. Без красавчика».

Приклеился ко мне, как банный лист. Чуйка у него на меня что ли? Сегодня-то на что надеялся? Я свои права знаю. Хотя с этих станется нарисовать мне что-то чужое. Захочет посадить — посадит. Вообще не проблема. Только настроение испортил.

Заталкиваю в себя бутерброд с кружкой кефира и топаю на работу, пытаясь переключить всё внимание на списки продуктов, которые нужно купить, и адреса доставки. К счастью, это получается довольно быстро, и я до глубокой ночи бегаю по городу, разнося заказы. А потом, немного отогревшись в офисе, иду к подмеченному ранее дому недалеко от центральной площади и принимаюсь за любимое дело — рисовать.

С детства мечтала заработать много денег и пойти учиться. У меня, конечно, и без этого кое-что получалось, но знаний не хватает. Да и диплома тоже.

Несколько часов меня никто не беспокоит. Ни прохожие, ни бродячие собаки, для которых у меня всегда припасено пару сосисок. Город давно уже спит. Но стоит мне сложить баллоны в зашитый рюкзак и достать купленные утром игрушки с ленточками, чтобы повесить их на нарисованную ёлку, как сбоку от меня раздаётся громоподобное «Попалась».

Я подпрыгиваю на месте, выронив украшения, и даю дёру. Ну точно, блин, чуйка у него. Никак иначе я не могу объяснить то, что за все ночи на улице я встречаю только этого пэпса. Уже в который раз. Будто только он один и работает. Правда, сегодня ещё и с напарником — тучным мужичком лет тридцати пяти, который, впрочем, очень быстро отстаёт.

В отличие от лейтенанта-красавчика, который гонится за мной, как лев за дикой ланью.

«Фу, Жека, какая пошлятина. И придёт же такое в голову. Лучше думай, как удирать от него будем. Кажется, сегодня он настроен очень серьёзно».

И стоит мне только подумать об этом, как меня хватают за куртку и буквально швыряют спиной об стену. Не сильно. Но от неожиданности я охаю, выпустив облачко пара. И тут же втягиваю морозный воздух, когда меня придавливает мужское тело.

— Эй, ты что себе позволяешь, лейтенант! — толкаю его в грудь ладонями.

Он отодвигается — совсем чуть-чуть. Не потому что я такая сильная, а сам, видимо, сообразив, что нарушает мои личные границы, как сейчас модно говорить. Но руки не убирает: одна так и сжимает мой пуховик сбоку где-то в районе талии, а вторая упирается в стену рядом с моей головой. Я поднимаю глаза и сглатываю — как-то уж слишком это двусмысленно и интимно. Тут же мысленно одёргиваю себя.

— Действую в рамках закона, — чуть запыхавшись, отвечает он, склонившись надо мной. Высокий, блин. Выше, чем мне казалось. — Ловлю нарушительницу общественного порядка.

— Это я что ли? — едва сдерживаю смешок. — И что дальше?

— Дальше в участок, — цокает он, серьёзно поджимая губы. — Посидишь в камере, подумаешь над своим поведением.

Э-э-э нет, такой вариант меня точно не устраивает. В голове моментально рождается план. И я невинно хлопаю ресницами:

— Ну зачем сразу в участок, лейтенант? Может, договоримся?

— Предлагаешь мне взятку? — одна его густая бровь иронично изгибается. — Ты в курсе, что это тоже статья? По-моему, тебе и одной хватит.

— Ну что ты, лейтенант, какая взятка? — никогда не умела заигрывать с парнями, но сейчас усиленно строю ему глазки, положив руку на его грудь. — Я тебя просто поцелую… И вместо участка мы поедем к тебе… А потом ты меня отпустишь.

Красавчик издаёт удивлённо-кашляющий звук:

— Совсем сдурела? Вот это, конечно, распущенные малолетки пошли.

Я едва сдерживаю накатывающий приступ смеха. Малолеткой меня ещё никто не называл. Но продолжаю свою игру, добавив в голос немного сладости:

— Мне двадцать два вообще-то.

Льну к нему, пальцами рисуя закорючки на его форменной куртке. Вроде бы так делают все эти киношные соблазнительницы. А в его взгляде что-то меняется. Он будто становится на полтона темнее. Неужели ведётся? Решаю закрепить эффект: уже двумя руками ползу по его груди вверх и встаю на цыпочки. Он же, будто не осознавая, наклоняется ниже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.